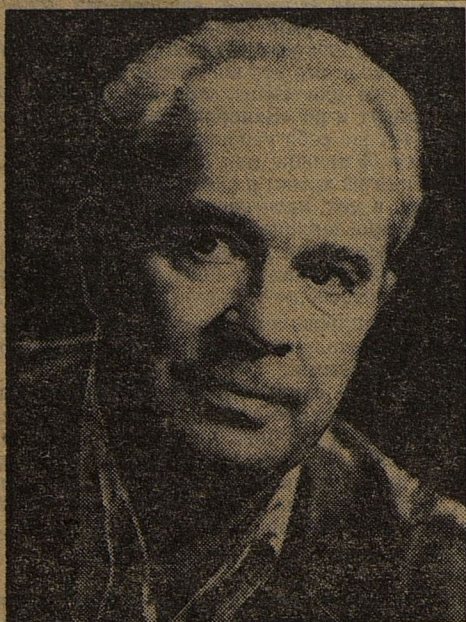

Штрихи к портрету
Владимира Карпеко

ПЕРЕКЛИЧКА ВРЕМЕН

Так оно и оказалось. Прочитанные позднее книги Карпеко: и те, что вышли в начале 50-х годов в Крымиздате — «Широкая дорога», «Алексей Большаков», «Еще про это», и более поздние — «Лицом к огню», «Избранная лирика», «Эхо гнева», «Нашим Ярославнам», и, наконец, сборник «Наслед-

и зазвучала в его стихах, как и в стихах других поэтов-фронтовиков, правда войны. Она пронизала такие его стихотворения, как «Дорога под небом», «После разведки», «Госпиталь», «Баллада о сером человеке», «Лейтенант», и многие другие, где слышится живое дыхание боев и передышек между ними, и тот майский день 1945 года, когда вдруг наступила тишина.

И, тишину потрясен,
Солдат, открывший миру
двери,
Не верит в день,
в который он
Четыре долгих года верил.

Настоянная на опыте поколения, на опыте своего трудного фронтового пути, взявшая душевный разбег из неписанных уставов фронтового братства, поэзия Владимира Карпеко полна резких запахов пороха и дыма, рвущих душу звуков боя, жестокости красок. И не потому ли так всерьез ведет поэт дискуссию с пятилетним художником по «вопросу о реализме», когда видит у того на рисунке танк с красной звездой на боку, идущий в атаку по белому снегу под голубым небом.

Убеждать мальчишку
Было напрасно.
И в ушах звенел
Его недоверчивый смех,
Когда я доказывал,
Что небо должно быть
Красным
И черным-черным —
Снег.

И в этой серьезности — своя высочайшая справедливость: мир в схватке жизни со смертью во время боя был категорически скуп на краски. Эта контрастная скупость проявлена в стихах Владимира Карпеко, написанных не только на фронте, но и позже, по солдатской памяти, удивительно точно хранящей правду изданного.

Наступивший мир, к которому

шел советский воин четыре долгих года, оказался сложнее и многообразнее не только для восприятия, но и для изображения. Тут уже обойтись двумя-тремя красками и интонациями было трудно, да и само состояние человека проходило качественную перестройку. Надо было думать и о дальнейшей жизненной «планиде». Демобилизовавшись после войны, Карпеко жил в Крыму, работал грузчиком в совхозе, преподавателем физкультуры в средней школе, тренером футбольной команды, лаборантом в Крымском филиале АН СССР, литсотрудником газеты «Крымский комсомолец». В 1952 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького.

Годы учебы совпали со сложнейшими сдвигами в общественной жизни. И поэт не дрогнул в идеологической схватке с врагами социализма, подогревавшими дискуссию о проблеме «непримиримости отцов и детей». Он откликается на «злобу дня» несколькими стихотворениями. Среди них — «Идущим вслед», завершающееся афористическими строками о великом революционном единении отцов и детей:

Но и тогда,
Когда ступаю
За тот,
Последний, оноем,
Мы вам
Нз место уступаем —
Мы
Знамя
Вам передаем!

Стихи этих лет непременно несут отсвет памяти о фронтовых друзьях-солдатах. Они по-прежнему строги по рисунку, экономны на слово, как донесение разведчика. Причем это сознательная установка памяти, обозначившей свое истинное достоинство в стихотворении «Фронтовые сувениры». Оно завершается категорично и безапелляционно:

Из дымной замяти атак
я ничего не взял
На память —
я это помню
просто так.

Память о войне... Она открыто звучит в стихах как немолчащее эхо пережитого. «Памятью» он называет стихи, начинающиеся строкой: «Вот так атака помнится». Ее он определяет как верную и сильную, щедрую и жестокую. Она может «встряхнуть» за шиворот, заставить врезаться в «дебри» воспоминаний и т. д. Словом, подобное взаимоотношение поэтов-фронтовиков с памятью неизбежно уже потому, что зафиксировано в их стихах. И все же у Владимира Карпеко, в отличие от многих товарищей по перу, воспоминания о войне жестче в своей привязанности к реалиям фронтового быта. У его товарищей ошутим опыт всей войны, у него же по-прежнему обостренно помнятся ее конкретные «слагаемые» — бои.

Трудно быть категоричным в доказательстве, отчего это так. Но, думается, не оказалось здесь без влияния связи поэта с молодостью сегодняшней армии, ее ратными буднями, ее «боями», приближенными к реальным. Выдвинутая на рубеж героического противостояния возможной империалистической агрессии, современная армия — благодарная хранительница традиций героев Великой Отечественной. И потому в стихах Карпеко о войне торжествует прин-

цип «уроков» войны, в их конкретике адресованных краснозвездным ребятам. Поэтому же у него немало стихов и о нынешних защитниках Родины. Это и «Застава в песках», и «Прощание с лодкой», и «КСР» (контрольно-следовая полоса), и другие. Общая их настроенность определяется мыслью о духовной перекличке поколений и обеспечивается чувством веры в молодых, как в своих сверстников:

Мелькнет мишень
в локаторных экранах,
Тревога рядом вспорет
тишину...

И только там,
в глубинах океана,
Поймешь их душ
большую глубину.

И словно продолжая развивать убежденность, прозвучавшую в стихотворении «Подводники», поэт закрепляет ее словами отцовского чувства к «первогодку», как и назвал стихи:

Но если вдруг...
Он, как и мы тогда,
пройдет путем
нелегким
и неблизким.
И мы услышим
быль
о городах,
где в честь него
воздвигнут обелиски.

Эта органичная перекличка времен в стихах о войне и сегодняшней армии и обеспечивает его поэзии страстное беспокойство о мире на земле, за который невосполнимой ценой заплатил наш народ и его поколение.

Да, трудный жизненный опыт питает все, что создано Владимиром Карпеко. Но нигде и ни разу не соскользнула с его пера капля слезливости, рассчитанная не только на чью-то жалость, но и имеющая соблазн пожалеть себя. Причем такая «глухота» к обидам — не поза, а естество мужества, закаленного в огненной стихии войны и ставшего главной чертой солдата, надежного поэтического талантом. Этот характер открыто проявлен в стихах и песнях Карпеко, прозвучавших в кинофильмах «Исправленному верить», «ЧП», «Вдали от Родины», «Голубая стрела» и других. Этот характер привлекает поэта и в друзьях-товарищах, и в лирической героине. Все это идет не от односторонности его как художника, а от цельности натуры.

Естественно, в кратком очерке о поэте и его стихах трудно охватить все. Речь шла о главном. При этом сейчас, когда Владимир Карпеко отметил свой 60-летний юбилей, я все-таки не хочу сказать, что он — поэт безукоризненного мастерства. Читая созданное им на протяжении почти сорока лет, я, как и каждый, запинался и выписывал удачные стихи и строки, в которых всегда с наибольшей степенью откровения проявляется нравственная атмосфера его жизни и творчества. Конечно, не все равноценно среди того, что написано им. Повторяю, я говорил о том, чем он, по-моему, интересен как поэт. Можно было рассказать о нем и как о переводчике. Но это особый разговор. Заключить сегодняшней мне бы хотелось так: а еще Владимир Карпеко — добрый человек и верный товарищ. О нем не просто судили — пошел бы с ним в разведку или нет. С ним ходили. И уже этим многое сказано. Если не все.

Бор. ЛЕОНОВ

ПЕРВАЯ моя встреча с его поэзией была случайной. В периодике встретились стихи неведомого ранее Владимира Карпеко, начинавшиеся строкой, которая не обещала «открытия»: «Осенний лес накрыт тяжелой тучей». Затем следовала не менее ordinaria: «Осинок белоствольных голытьба». Правда, чем-то смущала эта «голытьба», да еще окруженная «шиповником колючим, как чья-то позабытая судьба». «Судьба» сработала ассоциативно: колючий шиповник — колючая проволока. И возникшее состояние тревоги выплеснулось в пронзительном по чувству финале:

Рябины на ветру пылают
яро,
Огнем их перенкрыты
все пути,
И хочется из этого пожара
Кого-то безымянного спасти.

Даже если бы я ничего больше не прочитал из созданного поэтом, если бы не узнал биографии Владимира Карпеко, во мне все равно осталось бы жить эхо этого стихотворения и я бы все равно угадал главное в биографии автора стихов. Так увидеть и нервом воспринять рябиновый пожар мог только поэт с фронтовым опытом, в сердце которого и по сей день не затухает солдатская память войны.

ники гроз», отмеченный недавно премией имени А. А. Фадеева, — подтвердили верность поэта памяти своей фронтовой юности, героическому подвигу своего поколения. Все лучшее в них выстрадано им. А выстраданное — это и есть, в конечном счете, главное в творчестве художника. Потому-то оно остается в памяти людской и литературной...

Его первых стихотворений мы не знаем. Увлечение поэзией в старших классах школы прошло, страстью стал спорт. С первого курса Ленинградского института железнодорожного транспорта в 1939 году добровольцем встал в строй лыжбата на финском фронте. Был ранен. А в 1941 году ушел на Великую Отечественную. Служил в разведке. Командовал разведыводом, пять раз ранен, два раза контужен. Награжден орденами и медалями. Позднее признается: «По-настоящему стихи пришли ко мне на войне... Трагическое соседство смерти с повседневным бытом, обнаженность человеческих отношений не могли уже уместиться во мне и настойчиво требовали выхода.

Мне казалось, что все увиденное, пережитое не может быть высказано «обыкновенными» словами. И я снова начал писать стихи».